

АЛЕКСАНДР ШУЛЬГА,

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник отдела теории, истории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии (Окончание)¹

Abstract

The article is devoted to the theoretical problems of phenomenological sociology. The author analyses category-conceptual apparatus of P.L Berger and Th.Luckmann, as followers of A.Schutz. Their works are treated here as a "postclassical" period of phenomenological sociology, although both scientists don't accept a possibility of "phenomenological sociology" and speak about phenomenology as a proto-sociology. The analysis is focused on the concept "legitimization" and other concepts which help to understand it, such as: "symbolic universe", "externalization", "objectivation", "internalization", "habitualization", and "religious representations". The author also compares Schutz's context of the term "life-world" with that of Berger and Luckmann's concept "world of everyday life", that has narrower definition. An integral characteristic of their concept is "institutionalization", they try to find mechanisms which make a life-world as taken-for-granted. To understand this fundamental process helps a conception of legitimization and symbolic universes. As a conclusion, an author makes an emphasis on the necessity of further development of theoretical level of phenomenological sociology. Some concepts of the theoretical systems of Peter L. Berger and Thomas Luckmann could be used for such an aim and have extremely high heuristic and gnoseological potential.

¹ Начало публикации см.: Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 4. — С. 119–131; Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии (Продолжение) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 119–147.

В предыдущих статьях автор проанализировал сначала протосоциологический, или философский, этап становления феноменологической социологии — трансцендентальную феноменологию Эдмунда Гуссерля, а затем и собственно классический этап — систему Альфреда Шюца, который фактически и стал основателем новой парадигмы в социологии. Я пытался прояснить философские, социологические и психологические основания зарождения нового социологического течения, проследить эволюцию старых понятий и логику возникновения новых. Но главной целью было создание типологической схемы, которая бы помогла получить целостное видение феноменологической системы Шюца и понимание ее категориально-понятийных связей. Она является той гносеологической базой, от которой отталкиваются последователи феноменологического учения, преследуя, разумеется, собственные познавательные интересы.

Забегая далеко вперед, можно сказать, что этот анализ, начиная с *протосоциологического* (гуссерлевского), продолжая *классическим* (шюцевским) и заканчивая *постклассическим* этапом развития феноменологической социологии, имеет целью создать основу для дальнейшего развития ее теории. В дальнейших публикациях я намереваюсь переосмыслить базовые понятия и категории этой парадигмы через концепцию *легитимации*, впервые разработанную в феноменологическом ключе уже представителями постклассического этапа — Питером Бергером и Томасом Лукманом. Именно их системы и, особенно, ставшая классической совместная работа “Социальное конструирование реальности” [Berger, Luckmann, 1987] будут предметом анализа в данной статье. Эту книгу можно назвать программным трудом обоих ученых, она в большой мере определила их познавательные интересы и круг вопросов, которыми они в дальнейшем основательно занимались, — проблемы социологии знания, социологии религии и социологии языка. Разработкой системы феноменологической социологии как целостного образования эти ученые не занимаются. Скорее они опираются на уже имеющиеся теоретические наработки, чтобы развивать упомянутые выше отраслевые социологии. Вместе с тем П.Бергер и Т.Лукман предлагают свой взгляд на социальную реальность и пути ее осмысления, смещают акцент анализа, а также в зависимости от теоретических целей переосмысливают некоторые понятия феноменологической социологии и вводят новые¹.

Детальный анализ разнообразных влияний, под которыми находились и находятся оба социолога, не входит в задачу этой статьи. Ограничусь только обозначением основных линий влияния и его носителей.

Первым и самым выдающимся, разумеется, является Альфред Шюц, который был одним из непосредственных учителей Бергера и Лукмана. Именно его теория (а также работы Эдмунда Гуссерля) стала фундаментом, на котором в дальнейшем выстроились концепции обоих его последователей. У него они заимствовали и категориально-понятийный аппарат, и, что глав-

¹ Здесь я должен подчеркнуть одно очень важное обстоятельство. По мнению этих ученых, такого понятия, как “феноменологическая социология”, вообще не может быть. Метод феноменологии является рефлексивным, метод науки — индуктивным. Поэтому, убежден Лукман, феноменология, и в частности шюцевский анализ жизненного мира, является протосоциологией. Подробнее об этом см.: [Ebelre, 2008].

ное, феноменологический способ мышления¹. Кроме того, по признанию самого Лукмана, А.Шюц направил их интерес в сторону прагматизма и вместе с тем — концепции Г.Мида и Ч.Кули [Schütz, Luckmann, 1991: Bd.1, S.395]².

Еще одна линия влияния, безусловно, связана с образованием обоих ученых. Питер Бергер получил теологическое образование, и этим объясняется его интерес к проблемам социологии религии. Именно он подтолкнул Т.Лукмана к данной проблематике, предложив участвовать в соответствующем исследовании. В свою очередь, Т.Лукман получил филологическое образование, поэтому не удивительно, что его особо интересовали вопросы социологии языка. Необходимо отметить влияние антропологии на обоих социологов — в частности Арнольда Гелена и Гельмута Плесснера³. В своем главном труде “Социальное конструирование реальности” Бергер и Лукман используют элементы систем таких, казалось бы, разных мыслителей, как Эмиль Дюркгейм (представитель социологического реализма) и Макс Вебер (представитель социологического номинализма), полагая, что концепции последних не исключают друг друга. Своеобразный синтез ученые создают с помощью диалектического подхода и постулата К.Маркса о социальном мире как человеческом продукте. Поэтому общество у них предстает как диалектическое единство, создающее человека и одновременно создаваемое им.

Возвращаясь к Альфреду Шюцу, следует отметить его огромную работу по развитию феноменологической социологии и социологической теории в целом. Интересовали его и проблемы социологии знания⁴. Но, несмотря на это, целостной концепции он не создал. И этим занялись его ученики — Бергер и Лукман. Свою концепцию они очерчивают с самого начала. Основными понятиями в ней являются “реальность” и “знание”. Последнее “мы определяем, — пишут ученые, — как уверенность в том, что феномен существует в действительности и обладает определенными качествами” [Berger, Luckmann, 1987: S. 1]. Кроме того, социологи сразу же подчеркивают, что их социология знания будет иметь иной угол зрения — не идеологии, а повседневное знание становится предметом анализа, не теории, а дотеоретические утверждения, то, как они образуются, закрепляются и изменяются. Из такой постановки вопроса вырисовывается цель: социология знания должна анализировать социальное конструирование реальности.

Смещение линии анализа приводит к категориально-понятийным изменениям. Прежде всего это касается понятий “жизненный мир” и “повседневный мир”. Первый является категорией, к которой последний относит-

1 Не случайно соавтором изданной уже после смерти книги Шюца — “Структуры жизненного мира”, ставшей кульминацией всей работы социолога, выступил Томас Лукман. Именно он собрал и обработал разрозненные записи и заметки Шюца, скомпоновал их в единый труд, добавив к нему свою главу. После отказа близкого друга и коллеги Шюца — Арона Гурвича — взяться за этот проект именно Томас Лукман как один из его лучших учеников получил больше всего рекомендаций.

2 В дальнейшем теоретические системы этих мыслителей существенно повлияли на разработки Т.Лукмана, в частности в отношении понятия “идентичность”.

3 Г.Плесснер даже написал предисловие к немецкоязычному изданию “Социального конструирования реальности” [Plessner, 1987: S. 3–20].

4 Поэтому подзаголовком “Социального конструирования реальности” является “Трактат по социологии знания”.

ся как подчиненный. Повседневный мир — это одна из сфер жизненного мира, таких как, например, мир сновидений или фантазии. Вместе с тем он занимает доминирующее положение, поскольку отличается высшей степенью внимания, напряжения сознания и потому является “высшей реальностью” (paramount reality).

П.Бергер и Т.Лукман концентрируются на изучении именно этой реальности и процессов образования в ней знания. Тем самым они еще раз подчеркивают, что осуществляют анализ под особым для тогдашней социологии знания углом зрения.

Таким образом, это исходная и очень принципиальная особенность аналитической работы учеников Шюца. Второй особенностью можно назвать их сосредоточенность на понятии “институционализация”. В отличие от Шюца, который делает “интерсубъективность” интегральной характеристикой категории “жизненный мир”, его последователей интересует *предзаданность* этого мира и то, каким образом она сохраняется, передается, что этому способствует. Поэтому П.Бергер и Т.Лукман берут в качестве интегральной характеристики “повседневного мира” (это понятие выполняет в их системе атрибутивные характеристики категории, а значит, и является категорией) его “институциональность” (как результат институционализации). Наиболее важными понятиями, которые помогают понять эту характеристику, являются “*типизация*” и “*габитуализация*” или “*опривычивание*”. Они помещают процесс перевода нового знания в разряд знакомого — его фактическую рутинизацию. Повседневный уровень взаимной типизации и опривычивания акторов является определяющим для поддержки естественной установки и образования запаса знания. На высшем уровне происходит институционализация — типизации закрепляются на уровне более широкого окружения (Mitwelt). Таким образом, смыслы и типизации являются продуктами индивидов, подчеркивается их активная роль. С другой стороны, институционализация ведет к противоположному процессу. После того как институты выкристаллизовались, они существуют уже над индивидами, как независимые от них. Диалектику этого процесса помогает понять триада понятий.

Первым из них является понятие “*экстернализация*”. Этот термин обозначает процесс создания смыслов индивидами, их смыслотворческую активность. В ситуации лицом-к-лицу как наиболее непосредственного варианта Мы-связи акторы имеют возможность конструировать смыслы вместе и таким образом модифицировать их. Для индивидов, которые не участвовали в данном процессе, смыслы предстают как уже готовые и схватываются монотетически. Ярким примером служит передача знаний, ритуалов и традиций последующим поколениям, которые встречают систему смыслов и значений как уже существующую, как предзаданную, безальтернативную, а следовательно объективную. В итоге происходит их *объективация*, обозначаемая соответствующим понятием, отражающим диалектику общества¹. Далее происходит *интернализация*, то есть усвоение индивидами предлагаемых смыслов, включение их в интерпретативную матрицу.

¹ Важно отметить, что это только один из примеров. Объективация смыслов в условиях современного общества обладает множеством механизмов и инструментов.

Итак, от момента конструирования и до момента усвоения смыслы приобретают объективный статус. В завершение осуществляется институционализация. Этот парадокс чуждости человеку смыслов, порожденных им самим, ученые объясняют понятием “*реификация*” — как забывание индивидами своего авторства социального мира, своего непосредственного участия в процессе конструирования значений и смыслов и непонимание диалектики общества. Происходит отчуждение продуктов смыслотворческой активности от их продуцентов — индивидов, которое, впрочем, остается незамеченным. Увидеть и понять это позволяет феноменологический способ мышления и анализ знания. Ведь знание — это “сердцевина фундаментальной диалектики общества. Оно программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир. Оно объективирует этот мир посредством языка и основанного на нем когнитивного аппарата, то есть оно упорядочивает мир в объекты, которые должны восприниматься как реальность, а потом оно снова интернализуется в процессе социализации как объективно существующая истина. Знание об обществе — это, таким образом, реализация в двойном смысле слова — в смысле понимания объективируемой социальной реальности и в смысле непрерывного создания этой реальности” [Berger, Luckmann, 1987: S. 111].

Прежде чем приступить к дальнейшему рассмотрению, следует обобщить и лапидарно передать категориально-понятийные связи предлагаемой в “Социальном конструировании реальности” системы. Центральной категорией в рамках данной системы является “знание”. Из-за смещения акцента в анализе на повседневное знание в силу своей особой точки зрения социологи используют не категорию “жизненный мир”, а понятие “повседневный мир”, имеющее меньший уровень обобщенности¹.

Схема образования знания выстраивается на основе понятия типизации и озвучивания до институционализации. Последняя, в плане закрепленности и предзаданности смысловых комплексов повседневного мира, а не интерсубъективности, становится основным фокусом внимания ученых. Диалектика общества и индивида, нового и старого знания описывается благодаря триаде экстернализация — объективация — интернализация. А парадокс забывания авторства человека, его непосредственной роли в создании социального мира объясняется посредством термина “реификация”.

Концепция легитимации, определение этого процесса, его уровни и прежде всего наиболее общий из них — символический универсум — особенно интересны для нас и содержат огромный эвристический потенциал, благодаря которому возможен новый толчок в развитии феноменологической теории. Важно подчеркнуть, что в работе были очерчены основные пути дальнейшего анализа и проблематика, интересовавшая авторов, особенно Лукмана — социология религии [Luckmann, 1991], языка [Luckmann, 1963], действия [Luckmann, 1992], проблема идентичности [Luckmann, 2007]².

1 Однако по своей функции в системе Бергера и Лукмана оно составляет категорию.

2 Более того, затронутые в книге проблемы и предлагаемая в ней социология знания, по мнению авторов, должны стать отправной точкой для всей социологической теории в целом. “Анализ объективации, институционализации и легитимации, — пишут социоло-

Развитием именно этих отраслей социологии под новым углом зрения ученые и занялись. Питер Бергер вскоре опубликовал книгу под названием “Священная завеса” (“Sacred Canopy”), которую он называет прямо связанной с системой социологии знания, представленной в “Социальном конструировании реальности”. “Эта книга, — пишет социолог, — имеет особую связь с “Социальным конструированием реальности — Трактатом по социологии знания” (1966), которую я написал совместно с Томасом Лукманом. Более всего главы 1 и 2 этой книги непосредственно ссылаются на некоторые теоретические перспективы социологии знания” [Berger, 1969: p. 6]. В своем анализе он также использует концепцию диалектической связи между процессами экстернализации, объективации и интернализации. Использует он и понятие легитимации, сосредоточив (учитывая тематику книги) внимание на “религиозных легитимациях”, роли религии в “отчуждении” (реификации) смыслов от индивида и забывании им своей активной роли в создании социального мира и на проблемах секуляризации.

В дальнейшем он исследовал эту проблематику [Berger, 1969; 1973; 1999], а также общую социологию [Berger, 1963], проблемы капитализма [Berger, 1986], культурного плюрализма [Berger, 1998] и глобализации [Berger, 2002; 1974]. Можно констатировать, что Питер Бергер выходит за рамки феноменологического анализа и развивает собственную систему. Поэтому для данного анализа дальнейшее рассмотрение его наработок нерелевантно.

Гораздо интереснее в нашем контексте творчество Томаса Лукмана, который хотя и сосредоточен на теоретических проблемах не только феноменологии, все же остается на феноменологическом фундаменте в собственных разработках. Весьма интересны для данного анализа его разработки в сфере социологии религии и социологии языка. Концепция религии Томаса Лукмана также служит продолжением того, что оба ученых разрабатывали в их классическом труде — базируется на фундаментальном тезисе о социальной конструируемости реальности и диалектике отношений общества и индивида, которая описывается уже неоднократно упоминавшейся триадой понятий. Впрочем, вполне логично, что социолог идет дальше и, выстраивая свою систему, вводит новые понятия и связи между ними. Сразу нужно подчеркнуть, что религию Лукман (как и Бергер) рассматривает с точки зрения ее связи с обществом и как сугубо социологическую. Ученого интересует ее роль в создании и изменении социальной реальности. Учитывая процессы, получившие название секуляризации, модернизации и, наконец, постмодернизации, а также видоизменения в самих религиозных системах, ученые говорят о понятии “религии” в специфическом смысле. В каком именно, поможет понять анализ определенного ряда понятий.

В качестве первого и наиболее общего среди них можно выделить понятие “мироздание” (Weltansicht). Оно является частью социально конструированной, объективированной действительности, смысловым комплексом, интернализированным в процессе социализации, “который задает историчес-

ги, — имеет непосредственное отношение к проблемам социологии языка, теории социального действия и социологии религии. Социология знания ... должна привести к тому, что социология языка и социология религии уже не будут оставаться специальными отраслями социологии, а внесут решающий вклад в социологическую теорию” [Berger, Luckmann, 1987: S. 197].

кие рамки, в которых выстраивается идентичность человеческих организмов, и через который трансцендируется их биологическая природа” [Luckmann, 1991: S. 93]. Предзаданность мироздания для индивида способствует успешной интернализации смыслов с его стороны и интеграции в существующую систему. В силу этого мироздание выполняет функцию, которую Т.Лукман называет “элементарной религиозной”. Мироздание и предстает в качестве основоположной социальной формы религии, которую, учитывая ее инвариантность, можно встретить в любом обществе. Однако из-за своей универсальности мироздание не является специфическим и предлагаемым в конкретных смыслах. При определенных условиях оно скорее способствует убежденности в значимости существующего порядка, коммуникативных образцов и самого социального мира¹.

Такую специфику имеет другое понятие — “священный космос” (Heiliger Kosmos), являющийся частью мироздания (а, следовательно, находящийся в подчинении) и тоже являющийся социально объективируемой действительностью. Впрочем, *священный космос* выполняет функции, позволяющие назвать его специфической и исторической социальной формой религии, поскольку он задает социальную систему координат. Происходит это благодаря тому, что Т.Лукман обозначает как “религиозные репрезентации” (Religiöse Repräsentationen). К ним относятся все символы, которые входят в *священный космос* и обеспечивают потребность в ориентации в социальном мире. Сама же объективация *священного космоса* совершается в трех главных аспектах: образцы поведения, образы и, что важно отметить, благодаря языку².

То есть *священный космос* укоренен во всей социальной системе. И тут мы вновь возвращаемся к проблеме, наиболее интересной для данного рассмотрения, — проблеме легитимации. Ведь “религиозные репрезентации, — как пишет Томас Лукман, — легитимируют человеческое поведение во всех социальных ситуациях” [Luckmann, 1991: S. 99]. К концепции легитимации путем анализа проблем социологии религии ученый добавляет понятие “религиозные репрезентации”. “Вероятность того, — отмечает социолог, — что “логика” священного космоса больше не будет считаться само собой разумеющейся, увеличивается в зависимости от того, чем более гетерогенным является социальное распределение религиозных репрезентаций” [Luckmann, 1991: S. 104]. То есть религиозные репрезентации могут вступать и вступают между собой в борьбу за объяснение и утверждение системы ориентиров — священного космоса, за право выполнять функцию социальной формы религии. Религия с самого начала, согласно Лукману, служила интеграции членов общества, утверждению статус кво. Происходило это именно благодаря легитимации — то есть оправданию и объяснению и, наконец, переведению в разряд само собой разумеющихся тех или иных систем смыслов.

1 Здесь четко просматривается связь данного понятия с понятием “естественная установка”, используемым в микросоциологическом анализе.

2 О социологическом анализе языка, осуществленном Томасом Лукманом, речь пойдет ниже. Однако уже сейчас можно сказать, что социология религии, социология языка и социология знания Лукмана органично связаны между собой в единую систему.

До сих пор мы рассматривали только концепцию социологии религии. Теперь же можно перейти к социологии языка Т.Лукмана, которая помогает лучше понять диалектику общества и, опять-таки, главную для нашего анализа проблему — легитимацию. Выше говорилось о знании и религии, о том, что общество является диалектическим единством, а, согласно основному тезису Бергера и Лукмана, социальная реальность является продуктом конструирования и реконструирования, постоянно осуществляемого акторами. В этой связи неоднократно указывалось на экстернализацию и объективацию смыслов. При этом я не акцентировал внимания на том, благодаря чему, по мнению социолога, вообще возможны эти процессы, а именно на языке. Его Т.Лукман называет главным медиумом социального конструирования реальности и распределения знания. Смыслы, экстернализованные индивидами или группами, объективируются и становятся доступными другим индивидам и группам, которые не участвовали в их созидании, именно благодаря языку. Для меня особый интерес представляют выделенные Лукманом функции языка, которые применимы в моем анализе.

На индивидуальном уровне Лукман говорит о диахронической и синхронической функциях языка. Первая заключается в том, что благодаря языку происходит объективация “рецептов решения проблем” в виде набора укоренившихся само собой разумеющихся вещей. Вторая проявляется в установлении языком определенных коммуникативных образцов для институтов, социальных классов и групп и их взаимодействия друг с другом. На индивидуальном уровне язык выполняет также диахроническую и синхроническую функции. Диахроническая: язык служит основой фиксации и передачи конфигураций значений, являющихся основой субъективного смысла и понимания последнего партнерами по взаимодействию. К тому же благодаря языку строятся и предлагаются индивиду социально устоявшиеся интерпретации прошлого и задаются ориентиры на будущее. Синхроническая функция обеспечивает консенсус между акторами в процессе повседневного взаимодействия. Иными словами, речь идет об intersubъективном характере языка, который этой intersubъективностью порождается и, в свою очередь, сам ее обеспечивает.

Кроме того, Лукман выделяет вспомогательные функции языка. Прежде всего индикативную: “языковые знаки выступают одновременно как символы, как индикации” [Luckmann, 1963: S. 1084]. Из нее следует другая функция — фатическая: язык, его использование всегда отмечает индивида как представителя определенной группы, идентифицирует его как принадлежащего к определенному социальному полю, играет очень важную роль в отношении солидарности и идентификации и наоборот.

Все это подводит нас к необходимости рассмотрения связи языка с процессом легитимации. “Системы знаков в целом и особенно язык, — пишет Лукман, — играют еще одну общественно важную функцию. Они являются инструментами легитимации символических универсумов. Язык относится к гарантам “устоявшихся отношений”. Его набор значений, равно как и риторические возможности, играет значительную роль в построении образцов легитимации на социетальном уровне и на уровне отдельных институтов, классов и групп. Изучение связи между социально сконструированной структурой само собой разумеющегося и знаковыми системами приводит к

проблемному полю социологии знания и выходит за рамки познавательного интереса теорий языка и коммуникации” [Luckmann, 1963: S. 1111].

Действительно, эта связь фундаментальная, она указывает на глубокие пласты социальности, которые всю свою жизнь пытался найти и исследовать основоположник феноменологической социологии Альфред Шюц. Язык является продуктом и основой интересубъективности, язык задает рамки взаимопонимания и ориентации в социальном пространстве, язык является основным медиумом распределения знания и инструментом, благодаря которому происходит экстернализация—объективация—интернализация, и наконец, язык служит инструментом легитимации. Так можно кратко подытожить его роль в процессе конструирования социальной реальности. Социология знания, социология религии и социология языка — эти три дисциплины развивают ученики Шюца — Бергер и Лукман на пост-классическом этапе феноменологической социологии¹.

Они переосмысливают результаты конститутивной феноменологии естественной установки и привносят в свой анализ методологию других течений и парадигм. Наиболее удачными, на мой взгляд, являются диалектическое сочетание учеными социологического реализма и номинализма на феноменологическом фундаменте и их концепция триадичности процесса конструирования и реконструирования реальности, описываемой в понятиях экстернализации, объективации и интернализации. Органично связано с этим понятие легитимации, которое П.Бергер и Т.Лукман впервые переосмысливают в феноменологическом ключе и благодаря ему приходят к целой группе понятий, позволяющих углубить анализ создания социальной реальности. Одним из таких понятий является “символический универсум”. И “легитимация”, и “социальный универсум” имеют огромный эвристический потенциал, поэтому в дальнейшем должны быть обоснованы в качестве категорий.

Столь же важно переосмысление учеными понятия “жизненный мир”, а точнее, смещение анализа на понятие “мир повседневной жизни”, имеющее меньший объем по сравнению с первым. Этим подчеркивается сфокусированность внимания социологов на повседневном уровне и свойственных ему процессах опривычивания, типизации и габитуализации. К тому же Бергера и Лукмана прежде всего интересует предзаданность социального мира, его институциональность, и именно на исследовании этой его характеристики они концентрируются. Если Шюц больше внимания уделял интересубъективности жизненного мира, которая была у него интегральной характеристикой, то его ученики в качестве такой характеристики используют институциональность (рассматривая при этом мир повседневной жизни). Углубить анализ конструирования и реконструирования социальной реальности помогают разработки на основе новой точки зрения новой концепции — социологии религии и социологии языка (особенно осуществленные Томасом Лукманом).

¹ Снова подчеркну, что о термине “феноменологическая социология” сами ученые предпочитают не говорить. Лучше было бы сказать, что эти три социологических дисциплины имеют своим основанием феноменологию как методологию, как способ мышления, особый угол зрения на социальную реальность.

Таким образом, можно завершить типологизацию категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии, проанализировав ее становление на трех этапах: протосоциологическом, или философском, классическом и постклассическом. Основаниями каждого из этих этапов стали системы таких ученых, как Эдмунд Гуссерль, Альфред Шюц, Питер Бергер и Томас Лукман. Вместе с тем много внимания было уделено интеллектуальному влиянию других исследователей и целых теоретических течений на этих классиков феноменологии. Можно констатировать, что феноменологическая социология оказалась перед фундаментальной проблемой застывания, “зацементированности”, неподвижности своего теоретического уровня. Ведь ее понятия и категории всесторонне рассматривались и социологически интерпретировались только Альфредом Шюцем. Именно ему принадлежит очерк (и весьма успешный) феноменологической социологии как системы, а также формулировка ее познавательных принципов. Однако Альфред Шюц как исследователь, естественно, имел собственный исследовательский интерес, направлявший его поиск, и это не могло не отразиться на его системе. Шюц стремился изучать естественную установку и ее конституирование. Такой анализ имел целью раскрыть фундаментальные основания социальности, саму ее возможность. Однако наряду с выдающимися научными результатами сосредоточенность на естественной установке имела обратный эффект. В частности, привела к не совсем удачному и четкому описанию социальных структур. Это прежде всего касается понятия “мир более широкого окружения” (Mitwelt). Кроме того, фокусирование на конституировании естественной установки, по моему мнению, существенно сужало познавательные возможности феноменологической социологии. Последователи Шюца — Бергер и Лукман — вообще отрицают возможность “феноменологической социологии”, называя ее протосоциологией. К тому же они не занимаются исследованием категориально-понятийного аппарата феноменологии.

Более того, современные феноменологические исследования касаются в основном отдельных концепций или понятий “классиков” либо вообще являются попытками использовать феноменологическую методологию в прикладных целях. Получается, что методологический уровень остается на отметке середины XX века, а о спорности самого термина “феноменологическая социология” и говорить не приходится. В таких условиях актуализируется потребность в переосмыслении уже имеющегося категориально-понятийного аппарата, изучении его как системы. Полагаю, что шагом в этом направлении могло бы стать использование целого ряда понятий, важнейшим из которых является “*легитимация*”. Феноменологически интерпретированная уже Бергером и Лукманом, при дальнейшей разработке и аппликации концепция легитимации поможет по-новому посмотреть на связи и зависимости в структурах понятий и категорий феноменологической социологии, а также позволит уточнить предмет данной теоретической системы. Но это уже задача для дальнейших исследований.

Литература

Berger P.L., Luckmann Th. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie. — Frankfurt am Main, 1987.

- Berger P.L.* The Sacred Canopy: Elements of Sociological Religion. — Garden City, 1969.
- Berger P.L.* A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovering of the Supernatural. — Garden City, 1969.
- Berger P.L.* The Social Reality of Religion. — Harmondsworth, 1973.
- Berger P.L.* The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. — Washington, 1999.
- Berger P.L.* Invitation to sociology: a humanistic perspective. — Garden City, 1963.
- Berger P.L.* The Capitalist Revolution: Fifty Propositions about Prosperity, Equality and Liberty. — New York, 1986.
- Limits of Social Cohesion: Conflict and Mediation in Pluralistic Societies / Ed. by P.L.Berger. — Boulder, 1998.
- Many globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / Ed. by P.L.Berger. — Oxford, 2002.
- Berger P.L.* Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change. — New York, 1974.
- Eberle Th.S.* Phänomenologie und Ethnomethodologie // Phänomenologie und Soziologie. Theoretische Positionen, aktuelle Problemfelder und empirische Umsetzungen / Hrsg. J.Raab, M.Pfadenhauer, P.Stegmaier, J.Dreher, B.Schnettler. — Weisbaden, 2008. — S. 151–162.
- Luckmann Th.* Soziologie der Sprache // Handbuch von empirischen Sozialforschung / Hrsg. R.König. — Bd. 2. — Stuttgart, 1963.
- Luckmann Th.* Theorie des sozialen Handelns. — Berlin; New York, 1992.
- Luckmann Th.* Lebenswelt, Identität und Gesellschaft. Schriften zur Wissensund Proto-soziologie / Hrsg. J.Dreher. — Konstanz, 2007.
- Luckmann Th.* Unsichtbare Religion. — Frankfurt am Main, 1991.
- Plessner H.* Zur deutschen Ausgabe // Berger P.L., Luckmann Th. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie. — Frankfurt am Main, 1987. — S. 3–20.
- Schütz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. — Frankfurt am Main, 1991. — Bd. 1.